
Л. А. ДМИТРИЕВ

Исторический эпизод XVI столетия в устном предании нового времени (беломорский рассказ о сватовстве Ивана Грозного)

Во время археографической работы в Беломорье зимой 1950 г. мне привелось услышать в двух местах любопытный рассказ об осаде Соловков англичанами во время Крымской (Восточной) войны 1853—1856 гг. Сначала эту небольшую историю я услышал от жительницы города Кеми 95-летней Анны Андреевны Елисеевой, а затем от 70-летнего жителя деревни Шуерездкая Кемского района Федора Андреевича Федосеева.¹ Вот этот рассказ.

«В старые годы было на Белом море лихое время — воевали мы с англичанами. А война эта произошла вот почему. Жила тогда королева англичанка Виктория. И хоть была она королевой, но уродилась кривая. Просваталась она за нашего царя, а он ее просмеял и в жены взять не захотел. Королева Виктория рассердилась и начала шиповать против русского царя. Три года ходила она на Белое море, хотела, значит, покорить его себе, да ничего у нее не вышло. Хотела Соловки захватить. Подъехали к острову три корабля и начали обстреливать монастырь. Три дня подряд стреляли из пушек, весь остров снарядами засыпали. Но Соловки — место святое, и не только что людей на острове не убили, но даже и ни одной чайки не погубили, а их там великое множество — гнезда прямо на земле, на монастырском дворе. Так и не смогла Виктория Соловков порушить».

Сам по себе рассказ этот особого интереса не представляет, но заслуживают внимания его компоненты, его возможные исторические источники и их осмысление в народном сознании.

Рассказ о действиях английского флота в водах Белого моря во время войны 1853—1856 гг. имеет под собой вполне реальную историческую основу. Столь же достоверно и сообщение об осаде Соловков и о бомбардировке Соловецкого монастыря. Действительно, с 6 на 7 (18—19) июля 1854 г. к Соловецкому острову подходили два английских корабля. Командующий английской эскадрой в Белом море Омманей потребовал капитуляции. Получив отказ от настоятеля монастыря архимандрита Александра, Омманей отдал приказ о бомбардировке монастыря. В течение 9 часов 7 июня остров обстреливался английскими кораблями. Монастырские строения были сильно разрушены, но человеческих жертв не было. После обстрела корабли ушли.²

¹ Ф. А. Федосеев знал несколько былин, но к тому времени, когда я был у него, почти все забыл. Пропел мне только отрывки из былины «Сватовство Идолица».

² См.: П. Ф. Федоров. Соловки. Кронштадт, 1889; Н. Соколов. Рассказы о Соловецком монастыре. М., 1874; Архим. Мелетий. Историческое описание Соловецкого монастыря. М., 1881.

Осада Соловецкого монастыря вызвала к жизни целый ряд легендарных рассказов об этом событии, поддерживавшихся соловецкими монахами.³ Большинство этих рассказов со временем было забыто, но предание о том, что во время бомбардировки остались целыми все чайки, сохранялось очень долго.

Таким образом, вся вторая половина приведенного рассказа основана на реальных исторических фактах и известных местных преданиях. Братьями Соколовыми в свое время было записано стихотворение об осаде Соловков. В этом стихотворении встречается пассаж о чайках:

Сколько били, не палили,
Убить чайку не могли.⁴

Но вот откуда появилась первая половина — объяснение причин, из-за которых возникла война? Что это — чисто эпический мотив или же и здесь в основе лежат какие-то исторические реалии? Есть основания и эту часть рассматриваемого предания возводить к совершенно определенному эпизоду в истории русско-английских связей. В 80-х годах XVI столетия Иван Грозный сватался к Мэри Гастингс, дочери Генри Гастингса, графа Гантингтонского, родственнице английской королевы Елизаветы. Подробное описание всех перипетий этого сватовства русского царя к англичанке дошло до нас в «Памяти послу дворянину и наместнику Шацкому Федору Андреевичу Писемскому»,⁵ в статейном списке посольства Ф. А. Писемского в Англию в 1582 г.⁶ и в статейном списке английского посла Джерома (Еремея) Бауса в Москву в 1583—1584 гг.⁷ В «Записках о Московии XVI века» англичанина Джерома Горсея⁸ также рассказывается об этом факте русско-английских отношений в XVI в. Но Горсей сообщает и о том, что еще ранее, во время фаворитства Бомелия (т. е. до 1569 г.), Иван Грозный намеревался посвататься к королеве Англии Елизавете. В окончании по Архивному второму списку Псковской 3-й летописи, в записи под 1570-м годом, рассказывается о том, что Бомелий «отвел царя от веры: на русских людей царю возложил сверепство, а к немцам на любовь преложи... Последи же и самого привеле на конец еже бежати в Аглинскую землю и тамо женитися, а свои было бояре оставши побити».⁹ Связь сватовства Грозного к английской королеве в рассказе Горсея с именем Бомелия и наличие этого же мотива в процитированной записи из Псковской 3-й летописи свидетельствуют о том, что в обоих случаях был единый источник — какое-то устное предание: Горсей прибыл в Московию через четыре года после сожжения Бомелия (Бомелий был сожжен в 1569 г., а Горсей впервые появился в Москве в 1573 г.). Наиболее компетентный исследователь русско-английских отношений в средние века Ю. В. Толстой приводит ряд веских соображений, опровергающих достоверность сообщения

³ Соловецкий монастырь неоднократно издавал брошюру «Подвиги Соловецкой обители», написанную монахами Соловецкого монастыря.

⁴ Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. Пгр., 1915, стр. 317 (стихотворение «Соловецкий монастырь»).

⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. — Сборник Русского исторического общества, т. 38, СПб., 1883, стр. 4—8. (Далее: Сб. РИО, т. 38).

⁶ Там же, стр. 15—70; см. также: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М—Л., 1954, стр. 100—155.

⁷ Сб. РИО, т. 38, стр. 71—145.

⁸ Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. Перевод с англ. Н. А. Белозерской, СПб., 1909.

⁹ Псковские летописи, вып. 2. Под ред. А. Н. Насонова, М., 1955, стр. 262.

Горсея о намерении Грозного свататься к самой английской королеве.¹⁰ Видимо, на Руси слухи о действительном сватовстве Ивана Грозного превратили Мэри Гастингс в королеву, и все это событие было связано с именем Бомелия.

Кроме сватовства Ивана Грозного к Мэри Гастингс, ни русская, ни английская история не знают иных попыток с той или другой стороны заключить брачный династический союз. Не является ли мотив сватовства английской королевы и русского царя в интересующем нас рассказе своеобразным преломлением в народном сознании этого исторического факта? Вероятность такого предположения подтверждается весьма примечательной деталью из обстоятельств действительной истории сватовства Ивана Грозного к Мэри Гастингс. Из статейного списка посольства Ф. А. Писемского видно, что, не желая этого брачного союза, Елизавета всячески старалась под благовидным предлогом внушить русскому послу, что сватасмая им невеста Ивану Васильевичу не подходит. Основной довод при этом был тот, что Мэри Гастингс после перенесенной оспы очень безобразна. Елизавета говорила Ф. А. Писемскому: «Любя брата своего, вашего государя, рада с ним быти в свойстве; а слышала есми, что государь ваш любит красные девицы, а моя племянница не красна, и чаю, что государь ваш ее не полюбит... а лица ее написати и к государю вашему послати соромлюся, что она не красна, а неможет добре, и лежала воспицею, и лице ее красно и ямовато».¹¹ На болезнь и неприглядность Мэри Гастингс неоднократно указывал и Джером Баус, явно стремясь уклониться от разговоров на эту тему во время своего посольства в Москве.¹² Все сказанное дает основание думать, что слова в нашем рассказе о том, что английская королева уродилась кривая и поэтому русский царь не захотел взять ее в жены, представляют собой своеобразную трансформацию в народном сознании слухов о сватовстве Ивана Грозного к Мэри Гастингс.

Разумеется, переговоры о сватовстве Ивана Грозного к племяннице английской королевы носили дипломатический характер, при этом в посольстве Ф. А. Писемского переговоры по этому вопросу были тайными: «А се таков список посольства тайново подал государю Федор Писемской», но запись в Псковской 3-й летописи о намерении Грозного бежать в Англию и там жениться красноречиво свидетельствует о том, что толки об этих переговорах имели широкое распространение (о них знали даже в Пскове). Беломорье же являлось для этого наиболее благоприятным местом, так как здесь общение русского населения, и именно средних слоев населения, с англичанами носило самый широкий характер. В одной из своих работ М. П. Алексеев отметил, что целый ряд сведений об Англии, об исторических событиях в Англии, о разного рода государственных явлениях должны были иметь в устной традиции большее распространение, чем в письменных источниках. В частности, он писал: «Между англичанами и холмогорцами, архангелогородцами, вологжанами, не говоря уже о москвичах, должна была устанавливаться постоянная житейская связь, разнородные бытовые отношения; в северных городах, через которые лежал путь в Москву приезжающим в Белое море англичанам, эта связь должна была быть даже сильнее и крепче, чем

¹⁰ Ю. Толстой. Англия и ее виды на Россию в XVI веке. — Вестник Европы, 1875, № 8, стр. 507—508.

¹¹ Сб. РИО, т. 38, стр. 65.

¹² Там же, стр. 105, 113, 117, 120, 124—125, 130—131.

в столице».¹³ И поэтому нет ничего удивительного в том, что на Севере, в Беломорье, местное население могло знать от англичан не только о самом факте сватовства русского царя к англичанке, но и о подробностях этого сватовства. Здесь, вдали от Москвы, подобного рода слухи и рассказы могли распространяться более свободно и безбоязненно. А в Англии всякого рода толки и разговоры о сватовстве царя далекой и таинственной Московии к их соотечественнице, безусловно, были распространены весьма широко. Об этом говорит целый ряд явно вымышленных подробностей о том, как вел себя Ф. А. Писемский во время представления ему Мэри Гастингс, сообщаемых Джеромом Горсеем в своих «Записках». Об этом же свидетельствует и отражение этого эпизода из русско-английских отношений XVI в. в комедии Шекспира «Напрасный труд любви».¹⁴

Вероятно, предание о сватовстве Ивана Грозного к английской королеве долго бытовало на русском Севере, где, как это хорошо известно, среди местного населения прочно и долго хранились эпические и исторические рассказы о далеком прошлом. Сначала, по всей видимости, это предание было близко к действительным фактам, но постепенно оно переосмыслялось, перерабатывалось в духе, отвечавшем русскому патриотизму. После событий 1853—1856 гг. это предание было приурочено к конкретным обстоятельствам русско-английских отношений этих лет и связано непосредственно с Беломорьем. Так своеобразно отразился в устном предании один из интересных эпизодов русско-английских связей XVI столетия, дойдя в устной традиции русского Севера до наших дней.¹⁵

¹³ М. П. Алексеев. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв. — Ученые записки ЛГУ, № 95, Серия исторических наук, вып. 15, Л., 1947 (на обложке — 1948), стр. 53.

¹⁴ См.: Шекспир и русская культура. Под ред. М. П. Алексеева, М.—Л., 1965, стр. 787—792.

¹⁵ Своего рода типологическим соответствием, подтверждающим возможность существования на русском Севере легендарных преданий, связанных с историей русско-английских связей XVI в., является фольклорный рассказ «поморенина Афанасия» о «немчине Белогороде». Заметим, что это предание было зафиксировано гораздо позже того времени, с которым оно исторически связано. См.: Землеведение, кн. II, М., 1894, стр. 95—98; В. А. Кордт. Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов по 1631 год. — Сб. РИО, т. 116, СПб., 1902, стр. LXXXVIII; Я. С. Лурье. Английская политика на Руси в конце XVI века. — Ученые записки Ленингр. гос. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 61, Л., 1947, стр. 132—133.